

с особенностями национального сознания. Как утверждает Д. Хек, это связано с «исключительным статусом» эссе в науке о литературе, его художественной и интеллектуальной элитарностью или даже «снобизмом», а также с попытками «примитивизации основных положений жанра», стремлением «объединить их с императивами науки» [3, с. 274]. Эссе является не только одним из самых динамичных жанров в польской послевоенной литературе, но и в некотором смысле самостоятельной художественной областью. Подобное значение сформировалось исходя из той важности проблематики, которая присутствует в произведениях польских эссеистов, благодаря влиянию их творчества на развитие идейных, политических, общественных и этических позиций поляков на протяжении второй половины XX столетия. Именно в послевоенной эссеистике происходил процесс осмысления тоталитарных систем XX века и польской патриотической традиции XIX века. Эссеистика Ч. Милоша, Я. Стшелецкого, Ю. Виттлина, В. Кули, С. Винценца, Т. Брезы для послевоенного поколения поляков послужила эталоном мировоззренческой и национальной терпимости, обеспечила существование польских национальных традиций, явилась своеобразным «учебником» по истории Польши без идеологических интерпретаций и «белых пятен».

Список источников

1. *Dybciak, K.* Inwazja eseju / K. Dybciak // Pamiętnik Literacki. — 1977. — Rocznik LXVIII. — z. 4. — S. 113 — 150.
2. *Эпштейн, М.* Законы свободного жанра (Эссеистика и эссеизм в культуре Нового времени) / М. Эпштейн // Вопросы литературы. — 1987. — № 7. — С. 120—152.
3. *Esej: Słownik literatury polskiej XX wieku* / D. Heck [et al.]. — Wrocław : Ossolineum, 1993. — S. 274—280.

Материал поступил в редакцию 22.04.2011.

Ю. С. Фираго

Барановичский государственный университет
г. Барановичи, Республика Беларусь

АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ В «ДНЕВНИКЕ ПЕРИОДА ВОЙНЫ» З. НАЛКОВСКОЙ

Зофья Налковская — польская писательница, участница и свидетельница трагических событий Второй мировой войны, весь ужас которой она показала на страницах «Дневника периода войны». Дневник отражает события 1939—1945 годов и является своеобразной повестью, где основной темой является человеческая судьба во время войны, а также выявлены особенности существования и сознания писательницы в мире тоталитарного режима. Этот «документ эпохи» переносит людей, знающих о войне только из кинофильмов и книг, в пылающую огнем Польшу. Рассказывая читателям о людях, фактах и событиях, автор делится с ними мыслями о пережитом, своими чувствами, дает полезные советы и мудрые наставления, что играет немаловажную роль в общечеловеческом понимании трагизма Второй мировой войны спустя десятилетия.

В «Дневнике периода войны» З. Налковской явственно выделяются три повествовательных центра: описание трагических событий войны и фашистских злодеяний, размышления о собственной жизни и творчестве, анализ творческого процесса и личного состояния души в условиях постоянной борьбы за жизнь. Последний аспект (авторская позиция) является предметом исследования в данной статье.

Начало Второй мировой войны застало Зофью Налковскую в Варшаве, откуда она 6 сентября вместе с Богуславом Кучиньским (последним спутником жизни), Полей Гоявичиньской и ее дочерью бежали в направлении Люблина. Однако уже через месяц писательница вернулась в оккупированную немцами столицу и вместе с сестрой открыла табачный магазин. Она изо всех сил старалась быть полезной своему народу и близким ей людям. Это касалось не только ее помощи как общественного деятеля, а, прежде всего, помощи как женщины, которая может глубоко сопереживать и сочувствовать, вселять веру в лучшее своим добрым словом. На страницах «Дневника» мы наблюдаем за тем, как З. Налковская глубоко проникалась чужими проблемами, а на решение собственных вопросов зачастую не хватало времени.

Чувство общности писательницы с судьбой народа углублялось и ее личной драмой: расставанием с Кучиньским и смертью матери в 1942 году. Вместе с этим З. Налковская сохраняла в тайне от сестры известие о смерти ее мужа (эту новость писательница восприняла как свое личное горе). Ситуация очень угнетала З. Налковскую — пытаясь скрыть от сестры самоубийство мужа, она обрекла себя на страдания и чувствовала угрызения совести. «Nie, nie można tego znieść, nie można tego wytrzymać!» [1, с. 182]. З. Налковской было легче мучиться самой, чем видеть, как страдает ее сестра. Сколько раз писательница рисовала в своих мыслях разоблачение Ханей ее тайны, и даже это не смогло заставить ее рассказать правду. Все эти внутренние переживания отражены на страницах «Дневника». Авторская позиция З. Налковской характеризует ее как человека гуманного, способного глубоко сочувствовать другим, переживать горе не только близких людей, но и всего народа как личную драму.

Принимая «близко к сердцу» проблемы своих близких, З. Налковская обрекала себя на страдания и душевные, и физические. Известно, что последние события (война, неудачи в личной жизни, неудовлетворенность своим творчеством и жизнью в целом) очень подкосили здоровье З. Налковской. Однако писательница не показывала

своей слабости перед родными, внешне казалась спокойной, иногда даже счастливой. Внутри же все кипело: ей было больно видеть слабеющую с каждым днем мать и убитую горем сестру. Единственным собеседником З. Налковской был дневник. Именно ему писательница доверяла все самое страшное, тайное и наболевшее. Вот на его страницах писательница жестоко осуждает немцев, предателей Родины, пытаясь понять истинные причины, которые побудили их совершить столь страшные поступки. Дальше видим, как она страдает от нехватки еды и тепла, что впоследствии привело к болезни — долгое время она не вставала с постели, не занималась домашним хозяйством. Размышления о бессмысленности личного существования и бесполезности человеческой жизни в целом не оставляют З. Налковскую на страницах «Дневника».

Зофья Налковская дала волю эмоциям в день смерти матери. Отчаяние, боль утраты, страх перед будущим одолевали ее при мысли о том, что больше никогда в жизни она не сможет обнять свою мать. Необычайно нежные слова находит писательница, чтобы рассказать о ней. З. Налковская очень тяжело переживала потерю любимого человека и начиная с 1942 года она не только описывает исторические события, но и передает свое внутреннее состояние. Автор живет яркими воспоминаниями прошлой счастливой жизни, не желая воспринимать действительность и верить в то, что прошлое невосвратимо.

Казалось, весь мир был против этой несчастной женщины: смерть матери, расставание с любимым человеком, несчастье сестры, вечная нехватка денег... Однако З. Налковская не сломалась. Она смогла не только жить в страшной военной реальности, но и найти в себе силы заниматься культурной и общественной деятельностью.

События войны и оккупации в 1939—1945 годах оказали воздействие не только на личную жизнь, но и на творчество З. Налковской. В оккупированной Польше, как пишет З. Налковская, была запрещена легальная литературная и издательская деятельность. Особенно это наблюдалось в 1939—1941 годах.

Зофья Налковская чувствовала себя ненужной: было невозможно заниматься любимым делом в условиях постоянного террора и контроля. «Писать правду и говорить о правде» во время фашистских злодеяний было небезопасно, поэтому прекращалась любая общественная деятельность. Очень редко в секретных условиях интеллектуальная элита ходила друг к другу в гости. На страницах «Дневника» З. Налковская подробно описывает свои встречи с М. Домбrowsкой, Т. Брезой и другими видными деятелями польской культуры. С одной стороны, в «Дневнике» писательница опровергает наличие в Польше легальных культурных организаций. С другой — приводит факты, которые являются доказательством того, что в военное время интерес творческой элиты к искусству не угас. На страницах «Дневника», начиная с 1944 года, З. Налковская представляет информацию о деятельности польского подполья. По словам писательницы, в оккупированной Польше работали школы и университеты, тайно издавались сборники стихов и прозы, проводились литературные конкурсы, организовывались дискуссии и встречи. Страна вырастила много талантливых людей, которые, несмотря на суровые жизненные условия 1941—1945 годов, смогли создать истинные шедевры польского искусства, взяв за основу события Второй мировой войны.

Зофья Налковская до конца не высказывает своего мнения по поводу деяний фашистов, однако по тону повествования и манере высказывания можно легко прочесть между строк трагизм сложившейся ситуации в Польше во время Второй мировой войны.

В конце произведения писательница все больше и больше обнажает факты, касающиеся зверств фашистов. Она не может больше молчать и открыто рассказывает о тех ужасах, которые хранили холодные стены фашистских лагерей смерти. Благодаря З. Налковской, мы узнаем о зверствах фашистов не только из исторических документов, но и из личного дневника, где события войны прежде всего рассматриваются с точки зрения чувствительной и восприимчивой души писателя. «Здесь нет исторической оценки событий, здесь важно непосредственное, живое впечатление, фиксация событий день за днем, что создает у читателя ощущение сопричастности и сопереживания» [2, с. 127].

Вместе со старшим поколением в круг польской элиты постепенно начинала входить творческая молодежь, которой пришлось участвовать в Варшавском восстании, писать во время фашистских преследований и на которую З. Налковская возлагала надежду в возрождении польской культуры. По мнению писательницы, именно молодое поколение будет отстаивать интересы поляков и в будущем прославит свою Родину.

Во время Второй мировой войны З. Налковская находилась в постоянном смятении. Это подтверждается ее личной драмой, которую целесообразно рассматривать на фоне общечеловеческой. Каждый человек, независимо от того, поляк он, русский или белорус, находился во власти немецких оккупантов. Поэтому авторская позиция неприятия насилия, отраженная в «Дневнике периода войны» Зофьи Налковской, очень близка белорусскому читателю своим общечеловеческим смыслом.

Список источников

1. *Nalkowska, Z. Dzienniki czasu wojny* / Z. Nalkowska. — Warszawa : Czytelnik, 1974. — 508 s.
2. *Мусиенко, С. Творчество Зофьи Налковской* / С. Мусиенко ; под ред. В. Хорева. — Минск : Наука и техника, 1989. — 144 с.

Материал поступил в редакцию 14.04.2011.